

УДК 343.6

ББК 67.408.11 + 88.544.4

ЛИЧНАЯ НЕПРИЯЗНЬ: КВАЗИМОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП?

А. А. Сергеева

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия)

Значение мотива преступления в механизме преступного поведения трудно переоценить. В то же время следует констатировать доминирование в науке уголовного права формализованного подхода к определению роли мотива преступления как побудительной силы, вызывающей криминальную активность субъекта преступления.

В статье исследуется структура низменной мотивации преступного поведения, акцентуализуется соотношение наиболее типичных мотивов совершения насильственных преступлений против личности с мотивационной конструкцией *a posteriori* «неприязнь, возникшая на почве личных отношений».

Проводится анализ судебной практики по делам о насильственных преступлениях против личности, в результате которого делается вывод о том, что чрезмерно упрощенный и обобщенный подход правоприменителя, выраженный в сведении всего многообразия низменных мотивов насильственных преступлений к конструкции «личные неприязненные отношения», искажает смысл мотива преступления как внутренней побудительной силы, оставляет за границами судебно-следственного познания истинные причины и условия криминальной агрессии, ценностные установки преступника.

Ключевые слова: мотив преступления, низменный мотив, личная неприязнь, криминальная агрессия, насильственные преступления против личности

SUBJECTIVE HOSTILITY: A QUASI-MOTIVE OF AN OFFENSE OR LAW ENFORCEMENT STEREOTYPE?

A. A. Sergeeva

Saint Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(Saint-Petersburg, Russia)

The significance of the motive of the crime in the mechanism of criminal behavior is difficult to overestimate. At the same time, the dominance in the science of criminal law of a formalized approach to determining the role of the motive of a crime as an incentive force causing the criminal activity of the subject of the crime should be stated. The article explores the structure of low-powered motivation for criminal behavior, accentuate the ratio of the most typical motives for the commission of violent crimes against the personality with the motivational structure *a posteriori*, called «hostility arising on the basis of personal relations». The author carried out an analysis of judicial practice in cases of violent crimes against the personality, which concluded that an excessively simplified and generalized approach of the law enforcer, expressed in the attention of the entire variety of low-powered crimes to the design of “subjective hostile relations”, distorts the meaning of the motive of the crime as internal incentive force, leaves the borders The causes and conditions of criminal aggression, the value of the criminal.

Keywords: motive of an offense, hostile motive, subjective hostility, criminal aggression, violent crimes against a person

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.15](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.15)

Н едооцененность мотива преступления в теории уголовного права, значение которого сводится, как правило, к факультативности или необязательности в сравнении с главным признаком субъективной стороны состава преступления — виной, обусловлена сложившимся в доктрине уголовного права, а также в правоприменительной практике подходом, основанным на выводе о второстепенной роли мотива преступления до того момента, пока особенности его содержания не отражают свойство деяния — общественную опасность, а точнее ее степень [1, с. 6].

С одной стороны, императивность нормы о включении мотива преступления, наряду с виновностью и формой вины, в состав обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (п. 2, ч. 1 ст. 73 УПК РФ), требует от правоприменителя дать оценку мотиву совершения преступления. С другой стороны, не все законодательно установленные мотивы имеют квалифицирующее значение [2, с. 113]. Упоминание о мотиве совершения преступления в нормах уголовного законодательства осуществляется тремя способами: как условие уголовной ответственности за преступление, когда мотив становится конститутивным признаком состава преступления (например, в составе преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, невыплата работодателем части установленных законом выплат за период свыше трех месяцев является уголовно наказуемым деянием, если совершена из корыстной или иной личной заинтересованности), признаком, усиливающим уголовное наказание (например, корыстная заинтересованность в ст. 183 УК РФ), и, наконец, как обстоятельство, отягчающее или смягчающее наказание при его назначении [3, с. 81].

Дифференциация мотивов преступления на имеющие квалифицирующее значение или без такового нередко дополняется исследователями другими классификациями. Например, мотивы преступлений могут быть дивергентны в зависимости от наличия либо отсутствия низменной составляющей [4, с. 272]. При этом законодатель упоминает мотив с низменным содержанием, не раскрывая его сущности, в одном ряду с корыстными побуждениями. Низменность остальных мотивов совершения преступления может быть определена исходя из семантики самого термина, который означает «подлый», «бесчестный» [5, с. 630]. В различных нормах УК РФ встречаются такие мотивы совершения преступления, именуемые законодателем то побуждениями, то заинтересованностью (что гносеологически неверно), как корыстный мотив (корыстная заинтересованность), хулиганские побуждения, личная заинтересованность, мотив ненависти или вражды, не связанный с личными отношениями (в законе имеет шестеричное выражение в форме политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, а также ненависти или вражды по отношению к какой-либо социальной группе), кровной мести, сострадания, мотив, связанный со стремлением уклониться от обязанности (например, ст. 144.1, 145 УК РФ).

Разъясняя порядок применения норм об уголовной ответственности за различные насильственные преступления, Пленум Верховного Суда Российской Федерации упоминает такие мотивы, не влияющие на квалификацию, как ревность, мотивы мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшие на почве личных отношений, удовлетворение половой потребности, желание унижить потерпевшее лицо и др. Очевидно, что в некоторых из перечисленных выше мотивов отсутствие низменной составляющей (сострадание), как и ее наличие, очевидно (месть, ненависть, удовлетворение половой потребности, желание унижить и т.д.), низменность других мотивов неоднозначна, ее наличие вызывает бурную дискуссию (например, мотив ревности зачастую признается «социально нейтральным» мотивом, лишенным низменного содержания [6, с. 623]).

Но особо дискуссионным следует признать мотив, который является порождением правоприменителя, мотив *a posteriori*, упоминаемый в юридической литературе, как правило, в связи с характеристикой субъективной стороны преступления [7, с. 68], — личная неприязнь или личные неприязненные отношения.

Значение слова «неприязнь» определяется как «недружелюбное, недоброжелательное чувство к кому-, чему-либо; нерасположение». Словосочетание «личная неприязнь» указывает на межличностный характер взаимоотношений виновного и потерпевшего и исключает возможность при отсутствии так называемой «борьбы мотивов» установления такого мотива в случаях, если преступление, например, совершено в отношении потерпевшего в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга либо из хулиганских побуждений.

В то же время формальное, порою избыточное, беспричинное использование мотива неприязни, возникшей на почве личных отношений (данный термин представляется более информативным, отражающим сущность мотива, чем «личная неприязнь» или «личные неприязненные отношения»), приводит к постановлению судом обвинительных приговоров, в которых, например, «уживаются» два взаимоисключающих мотива преступления: хулиганский и мотив неприязни, возникшей на почве личных отношений.

Так, Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга постановил приговор по уголовному делу № 1–112/2024 в отношении Рамиля Еремеева, которого признал виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ. В мотивировочной части приговора указано, что Еремеев, находясь у д. 7 по Московскому пр. в Адмиралтейском районе г. Санкт-Петербурга, действуя умышленно, испытывая внезапно возникшую личную неприязнь к незнакомому ранее Г., грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, умышленно нанес последнему удар кулаком правой руки в область лица слева, от чего Г. испытал физическую боль и упал на тротуар. Далее Еремеев нанес лежащему на тротуаре потерпевшему Г. еще один удар правой ногой в область туловища справа, затем совершил наступание правой ногой в область живота, чем причинил своими действиями потерпевшему физическую боль и вред здоровью средней тяжести, что было квалифицировано судом как умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести из хулиганских побуждений.

Внезапно возникшую личную неприязнь, упоминаемую в приговоре как проявление недружелюбности или враждебности к незнакомому человеку, следует признать квазимотивом, а подлинной побудительной силой в данном случае послужило стремление виновного противопоставить себя обществу, продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к сложившимся моральным и правовым нормам, обусловленные устойчивыми негативными составляющими мотивационной сферы виновного.

Такая же практика сложилась в связи с рассмотрением уголовных дел о преступлениях против порядка управления, когда преступное посягательство в отношении представителя власти совершается в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, но суд одновременно устанавливает и наличие внезапно возникших личных неприязненных отношений.

Например, Колпинский районный суд г. Санкт-Петербурга, рассмотрев уголовное дело № 1–400/2024, признал Романа Иванова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ.

Суд установил, что Иванов, находясь в патрульном автомобиле ОР ППС ОМВД России по Колпинскому району г. Санкт-Петербург, во время движения у д. 35, корп. 1 по бульвару Трудящихся в г. Колпино, будучи в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возникшей личной неприязни к находившемуся в том же автомобиле инспектору ППС ОМВД России по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга А., в ответ на законные требования последнего прекратить совершать противоправные действия в связи с предшествовавшим произведенным задержанием Иванова за совершение им административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ, который желал избежать доставления в отдел полиции и привлечения к административной ответственности, находясь на заднем сиденье совместно с инспектором А., не менее одного раза ударил левой боковой частью своей головы в голову потерпевшего, чем причинил последнему физическую боль и моральные страдания.

Фактически, руководствуясь логикой суда, виновный осуществлял посягательство на нормальную деятельность органов власти по мотиву личной неприязни, что противоречит сущности посягательства на порядок управления.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» словосочетание «личная неприязнь» или «личные неприязненные отношения» отсутствует, а мотив неприязни среди равно положенных мотивов мести, зависти, ненависти упоминается в связи с его возникновением на почве личных отношений.

Исследование судебно-следственной практики показало, что правоприменитель, не обременяясь необходимостью анализа низменной мотивации виновного, использует размытую конструк-

цию «личная неприязнь или «личные неприязненные отношения» как универсальную, которая лишь объясняется в материалах дела путем описания повода ее возникновения на основе анализа характера взаимоотношений виновного и потерпевшего, сопровождаемого изложением обстоятельств дела в хронологическом порядке, и не нуждается в подтверждении следственным путем. Подобная формальная практика является стереотипной, неправильной и нуждающейся в актуализации [2, с.114].

Абстрактный, лишенный доказательственного содержания характер используемых правоприменителем мотивов *a posteriori* «личная неприязнь» или «личные неприязненные отношения» в большинстве случаев скрывает богатейшую палитру внутренних побуждений преступника, например, связанных с аморальным или противоправным поведением потерпевшего, мстью за ранее совершенные действия, предшествующими интимными отношениями участников конфликта [8, с. 157]. Чаще всего данный конструкт используется при описании внутренних психических процессов преступника, совершающего насильственные преступления против личности.

Так, Санкт-Петербургский городской суд приговором от 20 марта 2025 г. по уголовному делу № 2–25/2025 (2–69/2024) Варвару Жеребцову признал виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105, 125, 156 УК РФ. Суд установил, что с 18 по 20 января 2024 г. Жеребцова совершила неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию своих малолетних детей — Ж., 2023 г.р., и Ж1., 2022 г.р. Находясь в квартире в пос. Парголово, действуя умышленно, испытывая личную неприязнь к своей малолетней дочери Ж., 2023 г.р., а также с целью избавления себя от обязательств по ее воспитанию, достоверно зная о ее возрасте, положила последнюю спиной на диван в комнате. Далее, приислав тупой предмет, которым могла быть подушка, положила его на Ж., в том числе закрыв лицо и органы дыхания последней, преградив доступ кислорода, и с силой, присущей взрослому человеку, придавила не менее одного раза, а также осуществила не менее семи воздействий тупым твердым предметом (предметами) с ограниченной слеодообразующей поверхностью в области головы, шеи, туловища, а также верхних и нижних конечностей, после чего покинула жилище, отсутствуя не менее чем двое суток, вплоть до обнаружения Ж. не позднее 20 января 2024 г. без признаков жизни. Смерть потерпевшей наступила на месте происшествия от механической асфиксии.

В этот же период, находясь по месту своего проживания совместно со своим малолетним сыном Ж1, 2022 г.р., пренебрегая жизненными потребностями последнего, который по малолетству, вследствие своей беспомощности, лишен возможности самостоятельно принимать меры к самосохранению, не обеспечила мер предосторожности в вышеуказанной квартире, покинула жилище не менее чем на двое суток, т. е. на продолжительное время, заведомо оставив малолетнего Ж1 одного без помощи и присмотра.

Представляется, что в данном случае доминирующим мотивом совершения преступления, способствующим постижению общей направленности личности, ее ценностной ориентации [9, с. 16], следует признать стремление виновной прервать обременительное для нее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей, а не личную неприязнь.

Следует полагать, что убийство малолетнего, лица, находящегося в беспомощном состоянии, беременной женщины должно характеризоваться низменными побуждениями *a priori*, поскольку для виновного особая уязвимость жертвы и недопустимость причинения ей вреда очевидны. Указание в приговоре на личную неприязнь в таких случаях нельзя признать достаточным.

Многообразие эмпирического материала, подтверждающего вывод о сложившейся порочной практике формального исполнения требования законодателя устанавливать и доказывать по уголовному делу не только виновность, форму вины, но и мотив совершения преступления, представлено уголовными делами о совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111 УК РФ, более 80% которых упоминают о фактах преступной агрессии на почве неприязни. Проявление криминальной агрессии в таких случаях часто сопровождается внезапно возникшей неприязнью в ходе совместного употребления виновным и потерпевшим алкогольных напитков или употреблением алкоголя одним из них, усиливаемой ссорой, словесным конфликтом, взаимными оскорблениями, дракой.

Чаще всего криминологическая картина преступлений, совершенных по мотиву внезапно возникшей неприязни, весьма схожа с картиной неприязни устойчивого характера. Отличает ее, как правило, отсутствие длительной вражды между потерпевшим и виновным. Возникшая неприязнь не носит устойчивого характера, поэтому ее следует относить к эмоциям, а не к чувствам, как неприязнь устойчивого характера [10, с. 224]. При этом до момента возникновения неприязни, возникшей на почве личных отношений, виновный и потерпевший, как правило, демонстрировали если не симпатию, то, по крайней мере, толерантное отношение друг к другу.

Устойчивый характер неприязни проявляется в случаях, когда недружелюбная атмосфера, недружелюбное или даже враждебное отношение к кому-нибудь формировалось в течение более или менее длительного промежутка времени, неприязнь накапливалась, наполняла сознание виновного, порою перерастая в ненависть, и в результате привела к криминальному насилию. Неприязнь, возникшая на почве личных отношений, может выступать в таких случаях, например, следствием неприемлемого, не одобряемого виновным поведения потерпевшего (например, аморального).

Так, например, Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга постановил обвинительный приговор по уголовному делу № 1–253/2025 в отношении Рамина Багирова, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Багиров, испытывая личную неприязнь и личную обиду к своей сестре Б., действуя умышленно, желая причинить особые боль и страдания потерпевшей, имея умысел на убийство последней с особой жестокостью, нанес Б. не менее 13 ударов колюще-режущим предметом в область задней поверхности груди. После причинения вышеуказанных телесных повреждений Багиров наблюдал за мучениями Б., после чего, с целью доведения до конца своего преступного умысла, направленного на убийство потерпевшей, нанес Б. не менее одного удара вышеуказанным предметом в правую боковую поверхность шеи, причинив своими действиями потерпевшей телесное повреждение с полным пересечением правой сонной артерии. Потерпевшая в связи с причиненными ей вышеуказанными множественными телесными повреждениями находилась в длительном состоянии агонии продолжительностью до 30 минут и испытывала особую боль (страдания), после чего умерла. Багиров пояснил, что с его сестрой Б., уроженкой и гражданкой Республики Азербайджан, были натянутые отношения, она вела разгульный образ жизни, и ему это сильно не нравилось, в силу своего молодого возраста он считал, что своим образом жизни она позорит семью. Б. состояла в браке, однако муж от нее ушел из-за того, что она вела разгульный образ жизни. В браке сестра родила двоих детей, которые проживают в Республике Азербайджан, связь с ними она особо не поддерживает. Как указано в приговоре, в связи с тем, что сестра вела разгульный образ жизни и, как он считал, позорила семью, он стал испытывать к ней личную неприязнь, и в ноябре 2006 г. у него возникло желание ее убить.

Очевидно, что неприязнь Багирова, возникшая на почве родственных отношений с сестрой, как мотив не охватывает сложные психические процессы, происходящие в сознании виновного, и правоприменитель существенно упростил судебно-следственное познание низменного содержания подлинного мотива преступления Багирова, испытывающего ненависть к сестре и стремление отомстить сестре за поруганную честь семьи.

Несмотря на то что в данном случае неустановление истинного мотива совершения убийства с особой жестокостью не препятствовало осуждению виновного лица, следует признать суждения некоторых авторов о том, что процесс субъективизации уголовного судопроизводства ставит непосильные для правоприменителя задачи, осложняет процесс изобличения виновного в случаях, когда установление истинного мотива преступления не влияет на квалификацию [11, с. 31], не обосновано и противоречит принципу вины.

Таким образом можно констатировать, что современная судебно-следственная практика, демонстрирующая избыточно упрощенный подход к процессу познания мотивации преступного поведения, приводит в том числе к возникновению значительного числа судебно-следственных ошибок, выраженных в неправильной квалификации преступлений, в нарушении принципа справедливости, обусловленных предпочтением квазимотива «личные неприязненные отношения», не требующего подтверждения следственным путем подлинных мотивов совершения преступления.

В заключение можно отметить, что структура низменной мотивации умышленных преступлений, в большей степени направленных против жизни и здоровья, значительно шире беспричинно используемой мотивационной конструкции «личная неприязнь». Неприязнь, возникшая на почве личных отношений, как равноположенный с ненавистью, местью, завистью мотив преступления, подлежит тщательному судебному-следственному познанию, что позволит создать необходимые гарантии уголовно-правовой охраны жизни и здоровья граждан от преступных посягательств, а равно усовершенствовать механизм коррекции преступного поведения посредством выявления истинных причин и условий криминальной агрессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1968. 166 с.
2. Питулько К. В., Сергеева А. А. Проблемы определения структуры низменной мотивации умышленных преступлений (на примере ревности, мести, зависти, ненависти и вражды) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10. С. 113–115.
3. Музюкин А. П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 127 с.
4. Якушин В. А. Нужна ли классификация мотивов преступления в уголовном праве? // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 2. С. 270–274.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1376 с.
6. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. 1066 с.
7. Уголовное право. Особенная часть : учебник. М. : ИНФРА-М, 2008. 800 с.
8. Мосечкин И. Н. Личные неприязненные отношения как мотив совершения убийства // Психология и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 154–164.
9. Печников Н. П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России : курс лекций. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2009. 64 с.
10. Севостьянов Р. А. Личная неприязнь как мотив совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 9А. С. 221–227.
11. Боруленков Ю. П. Мотив как элемент предмета доказывания // Мировой судья. 2013. № 2. С. 28–32.